

ресурс, в котором интеллектуально-личностные свойства могут актуализироваться и становиться дифференционно-интеграционным фактором как предиктором типологизации предпринимательно ориентированной молодежи. В связи с этим на втором этапе исследования (Кибальченко, Эксакусто 2015) был проведен анализ структуры предпринимательских способностей людей, потенциально готовых к предпринимательской деятельности и имеющих своеобразное сочетание личностных типов. В результате факторного анализа были выделены 3 другие факторных группы (Cumulative = 80,422%). 1-я группа «*Предприниматели-разработчики проектов*» включает 76 человек, 2-я группа «*Предприниматели-исполнители*» — 73 человека, а 3-я группа «*Предприниматели-организаторы*» или «Истинные предприниматели» включает всего 42 человека. Анализ факторных структур в группах позволяет предположить, что в качестве одного из основных критериев предпринимательской успешности можно считать не отдельный показатель: выраженность предпринимательского типа личности, а структурное своеобразие тех переменных, которые при достаточно высокой сформированности обеспечивают эффект предпринимательских способностей. Так, например, в группе «Предприниматели-организаторы» структура отличается тем, что в ней взаимосвязаны высоко сформированные характеристики, что обеспечивает разносторонность потенциальных предпринимателей с точки зрения взглядов на решение стоящих перед ними задач; способствует готовности к преодолению трудностей, креативности и гибкости мышления, готовности к налаживанию межличностных отношений. Можно заключить, что потенциальным предпринимателям, имеющим в психологическом профиле определенное сочетание личностных типов, присуща

определенная структура предпринимательских способностей как детерминанта И-Л ресурса и эффективности определенного типа предпринимательской деятельности.

В качестве перспективы исследования предполагается провести углубленную диагностику И-Л особенностей потенциально успешных предпринимателей, что позволит проанализировать возможности молодых людей к успешному ведению бизнеса в связи с их личностным потенциалом (рефлексией, самосознанием, саморегуляцией) и интеллектуальной системой способностей (когнитивные структуры, когнитивный стиль, понятийный и метакогнитивный опыт, др.) как основой их И-Л ресурса. Развитие метакогнитивного опыта в структуре И-Л ресурса людей, готовых к ведению своего бизнеса, — на наш взгляд, ключ к способности управлять собственной интеллектуальной деятельностью, осуществлять интеллектуальный контроль, проявлять открытую познавательную позицию, предполагающую вариативность и разнообразие способов анализа происходящего, готовность воспринимать необычную и парадоксальную информацию. Метакогнитивный опыт в структуре ресурса предпринимателей повысит вероятность реализации оригинальных идей и новых способов действия, развития успешности предпринимательской деятельности человека.

Eksakusto T. V., Kibalchenko I. A., Kompaniets V. S. 2015. Personality Profiles of Young People-Potential Entrepreneurs// Mediterranean Journal of Social Sciences. MCSER Publishing, Rome-Italy. Vol 6 No 3 S2; May 2015, 640–649.

Джанерьян С. Т., Солдатова И. А. 2012. Психологическая готовность студентов-выпускников ЮФУ к предпринимательской деятельности// Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, — 2012 — № 2(21), 12–17.

Кибальченко И. А., Эксакусто Т. В. 2015. Структурные особенности предпринимательских способностей// Фундаментальные исследования. № 2 (часть 9), 1999–2004.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНЦЕПТА СТРЕСС И СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ: КРОССКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

И. О. Куваева

irina.kuvaeva@urfu.ru

Уральский федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

В психологической литературе достаточно представлено исследований, посвященных анализу особенностей совладающего поведения у разных групп респондентов. Однако мало разработанной является проблема восприятия и интерпретации стресса (трудных ситуаций)

как источника для активизации соответствующих копинг-стратегий. Специфическое видение стресса и понимание сути совладания обусловлено культурным контекстом, в котором проходят повседневная жизнь и деятельность человека (Крюкова 2005, Холодная, Берестнева, Муратова 2007, Холодная 2012).

Стресс для русских людей выступает дискурсом социальной жизни современной России (Poltavski, Ferraro 2003, Pietila, Ryttonen 2008). Трудными ситуациями для студентов являются

учебные перегрузки, недостаток сна и временной фактор (Kosheleva, Amarnor, Chernobilsky 2015); широкий репертуар копинг-стратегий с высокой социальной направленностью позволяют разрешать возникающие затруднения (Крюкова 2007). Стресс для турецкой молодежи заключается в желании соответствовать социально-значимым ценностям, напряженности учебной деятельности и в проблемах трудоустройства после университета (Karabatı, Cemalcılar 2010); пассивный отдых является способом снятия напряжения (Kaýnak Key, Donmez, Tuzun 2004). Стресс для представителя китайской культуры связан со сложностями в бытовой, материальной и учебной сферах (Чен 2006, Ji, Zhang 2011). Китайские студенты используют активный и избегающий копинг (Liu 2004). Проведенные исследования обозначают специфику стрессовых ситуаций и совладающего поведения в указанных культурах, но не позволяют сопоставлять результаты между собой по причине разного психодиагностического инструментария.

Цель настоящего кросс-культурного исследования — анализ взаимосвязей между организацией концепта *стресс* и стратегиями совладания. Изучение концепта как психической модели накопленного опыта (Волкова 2013) проживания трудных ситуаций позволяет выявить значимые стрессоры, когнитивные оценки, осознанные изменения состояния и отсроченные негативные эффекты стресса (Lazarus, Folkman 1984, Леонова 2004, Бодров 2006). Предпочтение определенных стратегий совладания указывает на их доступность, функциональность и эффективность в конкретной культуре. Выборочная совокупность представлена 226 студентами университетов (98 русских, 70 турецких, 58 китайских респондентов). Методический комплекс включает: (1) «Юношеская копинг-шкала» Э. Фрайденберга и Р. Льюиса в адаптации Т. Л. Крюковой; (2) модифицированная версия методики «Интегральные концептуальные структуры» М. А. Холодной.

Проведенный анализ концептов указал на сходства и различия в интерпретации стресса у представителей разных культурных групп. Вне зависимости от культурной принадлежности стресс фиксируется как *психическое состояние*, требующее профилактических и коррекционных мероприятий. Культурные различия отмечаются в причинах формирования, субъективных переживаниях, возможных последствиях и динамике развития стресса. Стресс для *русской выборки* представляет собой состояние длительного нервного напряжения с отрица-

тельной эмоциональной окраской, формируемое под воздействием различных факторов и приводящее к развитию негативных последствий. Стресс для *турецкой выборки* понимается как тревожное состояние, развивающееся в условиях напряженной учебной деятельности и нестабильной ситуации на рынке труда. Стрессом для *представителей китайской культуры* является состояние сильного нервного напряжения, возникающее в ситуациях определенного типа и требующее быстрого реагирования для его прекращения. Значимыми маркерами стресса выступают индивидуальные различия (для русских), социальное давление (для турков) и сильный эмоциональный диссонанс (у китайцев).

Анализ предпочтений копинг-стратегий выявил достоверные различия в использовании индивидуальных стратегий русскими (решение проблемы, работа/достижение, беспокойство, самообвинение), социальных стратегий (профессиональная помощь, общественные действия) турецкими и китайскими респондентами. Религиозная поддержка в наибольшей мере используется турками, отказ от позитивного настроя — китайцами.

Изучение взаимосвязи организации концепта и стратегий совладания установило наибольшее количество корреляций для русской выборки. Чем больше русский человек переживает трудностей и думает о стрессе, тем больше испытывает беспокойство и ищет социальной поддержки. Хронический характер затруднений и накопление негативных эмоций усиливают тревогу и самообвинение. Чем больше факторов развития стресса, тем чаще русский студент фокусируется на решении проблемы. По мере нарастания внутреннего напряжения усиливаются самообвинение и несовладание; разнообразные негативные эффекты стресса игнорируются. У *турецких студентов* религиозная поддержка уменьшает тревогу, защищает от негативных эмоций и размышлений о трудностях. При осложнении ситуации турецкие студенты чаще обращаются к друзьям и в большей мере фокусируются на позитиве. Накопление негативного эмоционального опыта усиливает чувство принадлежности. *Китайские студенты* замыкаются в себе при осложнении ситуации и признают наличие затруднений по мере нарастания внутреннего напряжения.

Сопоставление факторных структур копинг-стратегий в разных культурных группах показало различную роль социальных стратегий и когнитивных установок в преодолении трудностей. Социальная поддержка, принадлежность и друзья в русской культуре помогают ре-

гулировать эмоциональное состояние человека. Общение с близкими и чувство принадлежности для турецких студентов обеспечивает поиск решения проблемы и способствует разным видам отдыха. Широкая социальная сеть в китайской культуре выполняет функции эмоциональной регуляции, разрешения проблемы, расслабления и т.д. Позитивный фокус связан с проблемно-ориентированным стилем совладания у русских студентов, система верований характерна для турецких респондентов, пессимистический взгляд на проблему — для представителей китайской культуры.

Таким образом, проведенное исследование выявило кросс-культурные различия в организации концепта *стресс* и особенностях совладающего поведения. Установленные взаимосвязи между концептом и копинг-стратегиями отражают значимые в конкретной культуре аспекты стресса и способы их преодоления.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00087), Институт психологии РАН.

Бодров В. А. 2006. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ.

Волкова Е. В. 2013. Трехединый аспект функциональной организации концепта: прошлое, настоящее и будущее // Мир психологии, 2, 29–41.

Крюкова Т. Л. 2005. Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения // Психологический журнал, 2, 5–15.

Леонова А. Б. 2004. Комплексная стратегия анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции // Психологический журнал, 2, 75–85.

Холодная М. А. 2012. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. — М.: «Институт психологии РАН».

Холодная М. А., Берестнева О. Г., Муратова Е. А. 2007. Структура стратегий совладания в юношеском возрасте: к проблеме валидности опросника «Юношеская копинг-шкала» // Вопросы психологии, 5, 143–156.

Чен Х. 2006. Эти поразительные китайцы. М.: АСТ: Астрель.

Ji H., Zhang L. 2011. Research on College Students' Stress and Coping Strategies // Asian Social Science, 7, 10, 30–34.

Karabiti S., Cemalcilar Z. 2010. Values, materialism and well-being: A study with Turkish university students // Journal of Economic Psychology, 31, 624–633.

Kaynak Key FN, Donmez S, Tuzun U. 2004. Epidemiological and clinical characteristics with psychosocial aspects of tension-type headache in Turkish college students // Cephalalgia, 24, 669–674.

Kosheleva E. Y., Amornor A. J., Chernobilsky E. 2015. Stress Factors among International and Domestic Students in Russia // Procedia — Social and Behavioral Sciences 200, 460–466.

Lazarus R. S., Folkman S. 1984. Cognitive theories of stress and the issue of circularity // Dynamics of stress: physiological, psychological and social perspectives / Edited by M. N. Appley, R. Trumbull, 63–79.

Liu X., Tein J.-Y., Zhao Z. 2004. Coping strategies and behavioral/emotional problems among Chinese adolescents // Psychiatry Research, 126, 275–285.

Pietila I., Rytönen M. 2008. Coping with stress and by stress: Russian men and women talking about transition, stress and health // Social Science and Medicine, 66, 327–338.

Poltavski D., Ferraro F. R. 2003. Stress and illness in American and Russian college students // Personality and Individual Differences, 34, 971–982.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ РАБОТЫ ПОНЯТИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ МЕТАФОР РАЗНЫХ ТИПОВ

**Я. А. Ледовая, К. С. Михальченко,
И. А. Горбунов**

*y.ledovaya@spbu.ru, k.mihalchenko@mail.ru,
jeangorbunov@gmail.com*

СПбГУ (Санкт-Петербург)

Среди отличительных свойств концептуальных способностей, которые отвечают за особый режим понятийного мышления, связанный с порождающими формами познания, М. А. Холодная подчеркивает способность к выявлению скрытых элементов, признаков, закономерностей, а также готовность устанавливать связи между очевидно не связанными либо отдаленными областями. А одним из эмпирических критериев концептуальных способностей является конструирование новых представлений и идей, включая концептуальные метафоры (Холодная 2012). Таким образом, продуктивность позна-

вательной деятельности, именно порождающая форма познавательного отражения, реализуются в том числе в процессе создания концептуальной метафоры.

В то же время фундаментальным понятием теории концептуальной метафоры (которую мы понимаем как «понимание и переживания сущности одного вида в терминах сущности другого вида» (Лакофф, Джонсон 2008)) является понятие «mapping'a», или «когнитивного отображения» (проецирования). Оно обозначает метафорическое соответствие между двумя тесно связанными смысловыми и языковыми структурами — «целью» и «источником». «Источник» — это конкретное знание, которое человек получает в процессе непосредственного взаимодействия с действительностью. «Цель» — более абстрактное знание. Механизм метафоризации заключается в том, что область